

Сергей ШПИТОНКОВ

г. Москва

Серёга каждое утро выходил на пустынный берег огромного озера и радостно пел. Громко, надрывая хрипый голос и страшно фальшивя. Нестройные звуки опускались на золотистый песок, скользили по бирюзовой прозрачной воде, подхватывались легкими волнами и уносились вдаль. Он наклонялся, черпал пригоршнями холодную воду, брызгал на свою большую лысую голову, могучую шею, сильные плечи. Звучно фыркал от удовольствия, кричал Захару:

— Эй, ботан, подъем! Вылезай из чума, хватит дрыхнуть!

Серёгины широко расставленные синие глаза светились, а крупные ноздри перебитого, горбатого носа дрожали. Пустой рот широко открывался от восторга. При этом удивительно, но когда он говорил, то почти не шепелявил. Слова произносил внятно, жестко. Будто гвозди вбивал в доску с одного удара.

— Ну что, жик-пык, — улыбался Серёга, приветливо встречая вылезшего из своей палатки Захара. — Проснулся?

Тот, потягиваясь и зевая, почёсывал редкую тёмную бородку:

— Да, кажется...

Захар положил на примятую траву около костра пачку галет и две шоколадки.

Серёга часто заморгал, вскинул огромные ручищи, густо покрытые татуировками:

— Ой, ботан, молодец! Сейчас чай сварганим!

Он поправил висевший над огнем чайник:

— Эх ты! Такую красотищу сегодня с утра пропустил!

— Да? — Захар снял очки, прищурил подслеповатые глаза. — И что было?

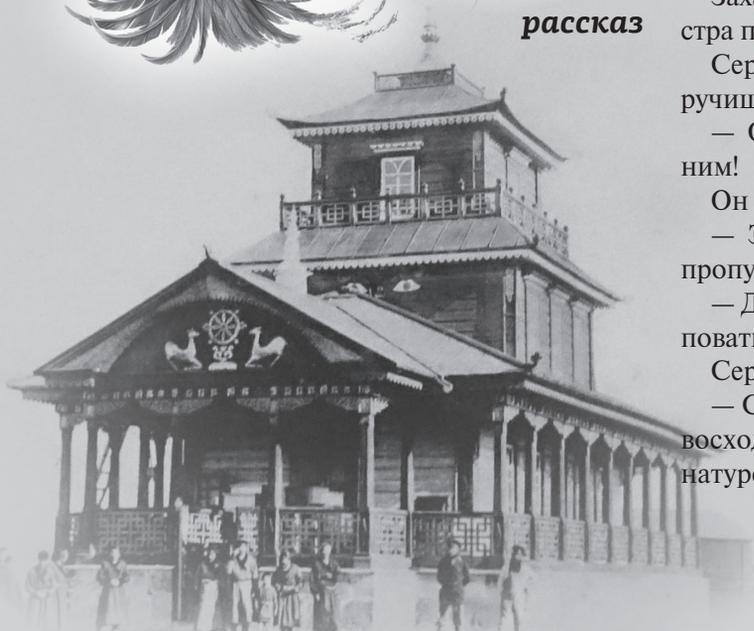
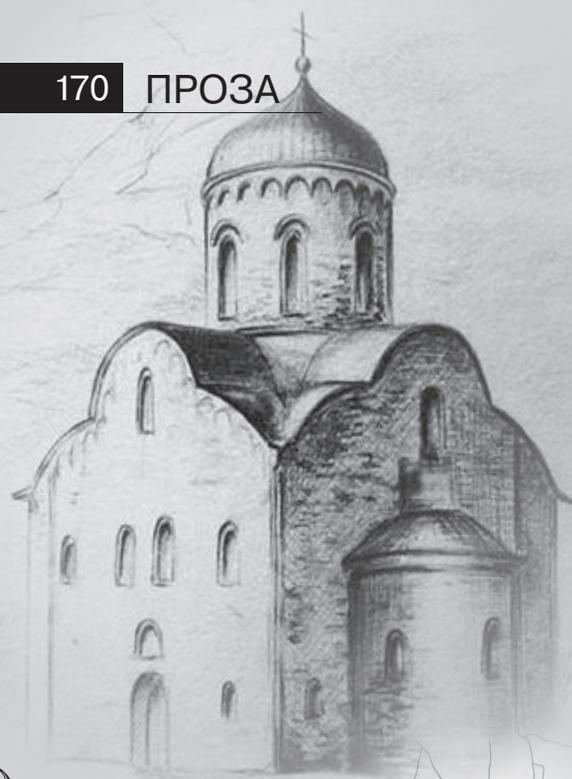
Серёга кивнул на чурбан:

— Садись, слушай... Веришь, братан, такого восхода солнца, как сегодня, я ещё не видел! В натуре, это было что-то волшебное! Представь

ОМУЛЁВАЯ БОЧКА

рассказ

себе ночь. Вокруг — мрак. Ничего не видеть, хоть глаз выколи. Руку вперед вытягиваю — пальцев не вижу. Потом, прикинь, эта чернота начала медленно разламываться. По кусочку отваливаться, падать вниз, исчезать.

Серёга поднял руки, как будто взял ими буханку хлеба и стал её медленно разламывать на куски.

— И вот, — он тряхнул ладонями, словно сбрасывая прилипшие хлебные крошки, — появляется на небе полный ажур. Значит, этот... багровый такой свет. И тут я шкурой почувал, что где-то там далеко-далеко целая куча раскаленных углей. Ну, как вот в этом костре. — Серёга кивнул на язычок оранжевого пламени: — И чувю, что кто-то там на них дует что есть силы. Раздувает, значит, этот огонь. Чуть погода появляется свет. Сначала слабый, а потом становится всё ярче. И тут, мать честная!.. Прикинь, из-за горизонта выплывает оранжевый, немереный — на полнеба! — шар. Солнце встало! Всё вокруг оживает: ветерок пробежал, птица запела, рыба в воде забилась. Травинка на земле и та голову свою поднимает. Такой вот, братан, балдэж...

— Да ты поэт, Серёга, — откликнулся Захар, теребя хвостик длинных жидких волос на плече.

— Какой там, — махнул он рукой и гулко постучал себя по голове, — с моей-то бестолковкой!

— Зато у тебя есть другое....

— Ладно базарить, — прервал Серёга, — давай по чайку ударим. Я тут уже набодяжил с утра, — садясь на корточки, он приподнял веткой крышку дочерна закопчённого горячего чайника. — Вроде ништяк получился. «Байкал» называется. Ха-ха-ха, — он вдруг засмеялся тихо. — «Байкал» на Байкале. Чудно как-то, — удивился он сам себе. — Один, значит, вот он, — Серёга кивнул на озеро, — Байкал-большой, а другой — в чайнике — маленький. Вот такой расклад...

Он вопросительно посмотрел на молчавшего Захара:

— Чё, не сечёшь мазы?

Захар не сёк. Он еще не привык к блатному жаргону своего нового знакомого, не раз отбывавшего срок на зоне. Но с этим Серёга завязал давно. Как отсидел последний раз десять лет назад за воровство, поклялся себе, что больше этого не будет. Решил, что хватит ему той жизни, искореженной и поцарапанной, как старая зэкская ложка для баланды.

Вырос Серёга в детдоме. Окончил мореходку в Хабаровске, а после отсидки последней решил убежать от блатных дружков. Думал: море, оно большое — всем места хватит. Стал ходить матросом на рыбацких сейнерах. Избороздил Охотку вдоль и поперёк. Да и в Тихом не раз бывал. Много рыбы вытащил из глубокой пучины. Не одну робу, съеденную морской солью, сменил. Несколько раз болтался в жесточких штормах. Однажды, когда его судно, залитое водой, стало тонуть, готовился уже кормить рыб на дне океана. Но обошлось. Спасли их тогда. Еле живых с надувных плотов подобрали. Наверное, думал Серёга, еще не пришел его час. Нужен он еще на этой земле. Только не понятно — кому и зачем. Душа-то оставалась ледяной, как холодильник сейнера, забитый до отказа мороженой рыбой. В отпуске, сходя на землю, напивался до чертиков в ближайшем кабаке. Оттаять хотел, боль унять. Не помогло. В угарном похмелье голова разламывалась, а в трезвости душа болела что есть силы. Со временем море для Серёги стало тесным. Как в лужу превратилось. И когда, остыв и присмирив, Серёга окончательно решился завязать с морем и сойти на берег, оказалось, что бросить якорь ему негде. Дома нет, жена ушла, детей у них не было. Дальняя родня боялась и сторонилась его. И стал Серёга свободным бичом: живет где хочет, делает что хочет, и никто ему не указ.

— Хреново, братан, когда ты никому не нужен, — тяжело вздохнул Серёга, снимая с кофры кипящий чайник.

Захар понимающе кивнул, достал из кармана платок, протер очки:

— И когда тебе никто... Так, а что это за «байкал» на Байкале?

Серёгины толстые губы растянулись в радостной улыбке:

— Да это просто, братан, как повидло за три копейки. — Его глубокие, словно выбитые зубилом морщины на лице разгладились. — «Байкал» на фене — это хорошо заваренный чай. Вот и получился «байкал» на Байкале! Теперь усёк?

Захар улыбнулся:

— Усёк, усёк. Давай сюда свой «байкал», — протянул Захар кружку

— То-то же, — усмехнулся он, — не пожалеешь.

Серёга разлил густой пахучий травяной чай. Взяли горячие кружки, молча пили вприкуску с шоколадом и галетами. Серёга чмокал, облизывал губы. Потом он глубоко вздохнул, не спеша огляделся:

— Эх, жик-пык, красота-то какая!

И вдруг поставил кружку на землю, вскочил на ноги, широко раскинул руки в стороны и радостно завопил:

— А-а-а-а! Лю-д-и-и! К-а-ай-ф!

Эхо прокатилось вдоль берега, по кромке воды, янтарному песку, среди деревьев, густого багульника и скрылось в зеленых сопках.

— Иногда — веришь, нет? — бью себя по башке, чтобы, значит, проверить, не сон ли это всё, — Серёга стоял с широко распростёртыми, как у птицы, руками. — Иногда не верю. А сейчас вот верю, — он запрокинул голову, поднял руки к небу: — Это же всё по-настоящему! И вода, и солнце, и вся эта благодать! Слышь, ботан, у тебя такое бывает?

— Бывает, — задумчиво ответил Захар, — иногда...

— Верить себе нужно, — Серёга присел рядом с костром. — Если ты в себя не веришь, кто же в тебя еще поверит-то?..

На Байкале Серёга уже несколько недель жил в старенькой залатанной палатке прямо на берегу озера, около холодной даже летом воды. Питался чем попало. То рыбы наловит, то ягод

и грибов насобирает. Иногда туристы с ним чем-то делились. Сам он никогда ничего не просил. Но, когда давали, не отказывался. Несколько дней назад принял он и по-соседски предложенную Захаром вареную гречку с тушенкой.

Иногда Серёга ходил за двадцать километров в ближайшую деревню купить хлеба и крупы, съесть несколько поз — больших пельменей с мясом, приготовленных на пару, — как любит он говорить, «разговеться». Зато чай у Серёги был всегда. Но не такой, как в тюрьме. Не чифирь, от которого голова раскалывается и сердце из груди выпрыгивает, а травяной, с ромашкой, подорожником и шиповником. В этих местах в избытке росли зверобой, земляничный лист, чабрец, сагандайля, шлемник.

— Ты пей, пей — здоровье радей, — Серёга шумно прихлебнул из кружки. — Ты, братан, к миру — с добром, и он тебе тем же ответит. Вот пришёл ты ко мне как человек, и я к тебе так же.

— Да ладно, — смущенно махнул рукой Захар. — Чего там...

— Нет, не скажи, — покачал головой Серёга, — много разных бакланов по земле шастает. Без добра в сердце живут. Даже здесь, в этой красоте. Незрелые человеки. Свет в них еще не проник. А ты, хоть и похож на ботана, пришел, поздоровался, к костру своему позвал, жратвой поделился. Это по масти...

— Обыкновенно, — неопределенно пожал плечами Захар

Серёга сделал большой глоток, смачно причмокнул:

— Очень уж травка хороша. Полезная. Все бациллы поубивает.

Захар сжал горячую кружку, чувствуя приятное, обжигающее тепло:

— А что, много их у тебя?

Серёга присвистнул, посмотрел на свои молистые ладони:

— Да видимо-невидимо. Как на зоне лес повалишь с моё, так наберешь их полные закрома. А сейчас, сам понимаешь, сколько день-

жиш нужно, чтобы болячки разные лечить. Где же их взять-то?

— Да, — понимающе кивнул Захар, — взять негде...

— Вот травки мне и помогают, — продолжал Серёга. — Заваришь кружечку и целый день потягиваешь. И ты знаешь, жик-пык, чую я, стало во мне меньше болячек. Перестало вот тут ломить, — он показал на свою широкую грудь. — Да и в боку как-то всё наладилось. Чё, не веришь? Фуфло толкать не буду.

— Почему? Верю, — спокойно ответил Захар, отпивая из кружки, — и когда ты мне вчера про море рассказывал...А дальше-то что было?

Серёга не спеша достал сигарету, помял ее пальцами, прикурил от тлеющей ветки:

— А дальше, помню, был я в каком-то бреду. Не знал, куда податься, что делать. Вроде на воле, а чую — смердит вокруг меня. Как будто в камере парашей дышу. Люди вокруг чего-то бегают, суетятся, все время чего-то хотят... В общем, хреново мне было. Думал, грешным делом: может, полоснуть себя бритвой по венам? Или в петлю залезть? И кончить всё одним махом... — По лицу Серёги пробежала тень, уголки его губ задрожали: — И тут сон мне приснился. Никогда гамму особенно не гнал, ну, то есть не фантазировал ничего такого. А здесь снится, что я во мраке блуждаю. Знаешь, как в тумане. Хоть кошмарь меня, зенки ничего не видят. Не пойму, где что находится. Жутко так стало, что легче сдохнуть. Брожу, брожу и вдруг вижу какое-то сияние. Не понимаю, что это, но чую, что мне туда нужно двигать. Иду... подхожу к костру. Там сидят какие-то люди. Кто и что — не знаю. Но драпать поздно, да и некуда. Стою смотрю. Вроде как не жлобы. А они руками машут. Мол, иди сюда к нам. Приглашают, значит. Подошел, присел. Тепло так у них, спокойно. И тишина. Все молчат, только иногда кто-то посмотрит на меня и улыбнется. Совсем незлобиво. Не как кодла какая-то. Почуял я себя здесь своим. Так, будто всег-

да был с ними. И челы вокруг — это все мои братаны. Понимаю, что попался, как рыбёха. Наживку дурашка заглотил, но крючок еще не чую. Но странное дело — чую, что попался, а вырваться не хочу. Наоборот даже. Долго так сидел. Согрелся, ожил. Радость какую-то почувал. Сильную, непонятную. И больше жизни захотелось мне у них остаться...

Серёга замолчал. Его пальцы сжимали тлеющий окурочек, а неподвижный взгляд застыл в одной точке.

— И что, остался? — не выдержал Захар.

— Не знаю...Проснулся я тогда, — ответил Серёга задумчиво. — Проснуться-то проснулся, только понял, что не хочу больше я прежней жизни. Стал искать другую. Перестал бичевать, устроился на работу. На свалку...

— Куда?!

— На городскую свалку.

— Почему на свалку-то? — удивленно спросил Захар.

Серёга мотнул головой, словно отмахиваясь от надоевшей мухи:

— Эх, ты хоть и ботаник, а не знаешь. А это, я тебе скажу, — еще та малина. Там такие миллионы делают — в жизнь не догадаешься.

— Ну уж, — поджал губы Захар, — скажешь...

Серёга выпрямился, расправил плечи:

— Верь базару, не стану брехать напрасно. На свалку день и ночь привозили на выброс не только отходы, но и добра много. Подходит срок годности товара какого, в пример, везут к нам машинами колбасы и окорочка, сыр и рыбу. А то и икру притащат. Бухла, конфискованного таможенной, было столько, что в бочки его заливали и хранили, как огурцы. Всё это нужно разобрать, отсортировать и сдать куда надо. Бригадиром меня поставили.

— А куда это можно сдать-то? — удивился Захар.

— Да ты чё, братан? Прикальываешься? Скупщики там днюют и ночуют. Вмиг всё забирают и опять в город везут, на рынки ташат. Рубль-другой скинут, наклейки переклеят — и опять

в продажу. Дешевка, а многих привлекает. Раскупают быстро. Жрать-то всем охота. Так у них прибавка и у нас свой куш.

— И сколько ты там отработал?

— Недолго. Скоро понял, что это тоже зона. Только другая. Со своими волчьими законами. Рвут горло друг другу. За монету готовы мать родную в этой помойке закопать. Вот так хотел, как говорится, в рай попасть, да, видать, грехи старые не пускали. Схлестнулся я там с одним. Жгутом его звали. Черный как смоль, вертлявый, воющий, как шакал. Узнал я, что общие деньги он тырил. А на меня хотел это дело повесить. Стал, гнида, шептать всем о том, что это я делаю. Ну, завел я его за сарайчик, дал ему пару раз промеж глаз. Он свалился, кровью умылся. Я думал, что не поднимется он больше. Да живучий гад оказался. Очухался, побежал к дружкам своим. Вечером они вломились ко мне в бытовку. В руках — заточки, арматура железная. Еле отбился. Пришлось убежать. В лесу жил пару недель. Думал, куда податься. Еще до свалки слышал я о буддийском монастыре на Байкале. Дацаном называется. Недалеко отсюда. Чудеса, люди рассказывали, там случаются. Ихние священники — ламами зовутся — красные робы носят. Они тело лечат и душу. Многим помогли. Поехал я туда, познакомился с ними. Спросил, что мне делать в моем угаре — от одного берега отчалил, а другого никак не найду. Был там у них один лама по имени Рома. Это я потом узнал, что это его настоящее имя. Буддийское погоняло-то, конечно, другое. Не могу их запомнить, язык сломаешь, пока выговоришь. Он такой здоровый амбал, плечи — моих два, руки как ковши у экскаватора, шрам рваный по всей щеке. В подворотне встретишь — убежать захочешь. Ромка этот тоже когда-то зону топтал. Но о том не рассказывал, говорил, что это всё иллюзии были, ненастоящее, значит. Об этом и вспоминать не стоит. В общем, скорефанились мы с Ромкой. И он мне сказал, чтобы я пока пожил в дацане, подумал, сходил к святому ихнему — Хамба Ламе. Он вроде как учитель у них. Прикинь, умер-то этот лама

еще в прошлом веке, как красные с белыми здесь в гражданскую махались друг с другом. Но перед смертью наказал своим монахам раскопать себя через семьдесят лет. Хамба этот был в авторитете большом. Исполнили его просьбу, откопали в назначенный срок. И, не поверишь, жив тот лама оказался...

— Да ладно, — не поверил Захар.

— Не брешу, — Серёга сжал руки в кулаки, — верняк говорю. Сам видел. Сидит он у них в стеклянном колпаке нарядно одетый. Голова, руки, ноги — всё при нём. Только не дышит.

— Так какой же он тогда живой? — Захар нетерпеливо встал, разминая затекшие ноги.

— А вот и живой, — Серёга тоже поднялся, потоптался на месте, — но ты не бойсь, у меня крыша еще не поехала. Мне потом растолковали, что бывают такие чудеса. Разные ботаны — такие, как ты, в очках, — приезжали из Москвы и Питера. Изучали его. Поняли, что органы у него все живые. А через порез на коже даже кровь выступает. Вроде как законсервированный он...

— И что это значит?

— Не знают. Местные ламы говорят, в нирване он. Ну, это когда вроде как бы и умер, но вроде и нет. Уснул, значит, на время, и когда надо — проснуться может. Ходил я много к нему, молился как мог...

— И что?

Серёга приложил палец к губам, призывая к молчанию:

— Не гони волну, братан, слушай, — он засунул ручищи в карманы потрепанных штанов, — есть там у них в дацане такая тропинка, вдоль всего забора, по периметру. Горо называется. По пути барабаны с мантрами стоят, которые крутить надо. Дуганы, то есть жилища такие, понастроены. Храмами считаются. Службы там каждый день идут. Ни черта не понятно, на тибетском языке поют молитвы. Ну вот, так пока я к Хамба Ламе приходил да по дацану бродил, барабаны крутил, всю, кажется, жизнь свою передумал. И тошно стало мне, противен сам себе хуже некуда. Вся жизнь наперекос прошла. Нет от неё проку. Только

небо зазря коптил, людям зло приносил. Коро-
че, бултыхался, как килька в бочке, — где пой-
мают, там и откидывался. А тут чую, какая-то
неведомая рука меня в этом дацане держит. Не
рвался больше никуда, прилип к этому месту,
как муха к сахару.

А Ромка этот оказался большим мастером
по травам. Он в Тибет ездил, учился там. Ром-
ка говорил, что человек — это часть приро-
ды. Хреновая часть, но это поправимо. А для
этого человек должен жить по законам Мира.
Знать и выполнять их. И передавать, значит,
эти законы дальше. Даже когда его время на
земле закончится... Ромка знал, где и когда
нужно собирать травы разные. Перед этим
он смотрел на солнце, облака, вычислял, в
какую сторону ветер дует. Ждал, когда ночью
появится целая луна, а утром выпадет роса.
Находил травку, рассматривал её, растирал
кусочек зелени в руках, обнюхивал. У неко-
торых растений коренья раскапывал, сок вы-
давливал, пробовал на язык. И только потом
собирал траву, мыл, сушил, размалывал в сту-
пе деревянным молотком. Порошки готовил,
отвары делал.

Однажды, жик-пык, посмотрел он на меня
жалостно, как на дитя дурное, и позвал с собой
траву собирать. Ушли мы на несколько дней
в сопки. Много о чем базарили, пока по кам-
ням да кустам с мешками лазали. По вечерам
сидели около костра, пили пахучие настойки
из этих трав. И стал я чувствовать, что хрено-
во мне становится. По ночам не сплю, звуки
слышу, будто пчела в башке жужжит. То ко-
зья морда с рогами привидится, то черти перед
глазами бегают. Думал, Ромка мне яду какого-
то подмешал...

Серёга крепко затянулся, выпустил клуб
дыма, вдавил окурок в песок:

— А в последнюю нашу ночь и того хуже. С
черного неба звезды начали падать. Да не одна
или две. Десятки, сотни. Как будто кто-то де-
рево осенью трясёт, а с него листья сыплются.
А потом так громыхнуло, что земля под но-
гами задрожала. У меня дыхалку перехватило.
Думал: всё, каюк. Небо на землю падает.

И вдруг лютая боль меня скрутила. Свалился
я на землю, голову железный обруч стянул
так, что мочи терпеть нет. Всё тело ломало,
наизнанку выворачивало. Желчью блевал,
как фраер какой-то. Выл на луну, как шакал
последний. Мать родную готов был убить.
Ничего не помогало. Ни вода холодная, ни
папироска крепкая. Ромку просил порошка
какого-нибудь дать. А он твердит одно: тер-
пи, мол, это бесы из тебя выходят. Струхнул
я. Думал: всё, конец, отбежался на этом свете,
так и закопают меня здесь. Мучился всю ночь.
Ромка рядом сидел, раскачивался из стороны
в сторону, мантры бормотал себе под нос. Пе-
ред рассветом забылся я и не заметил, как боль
отпустила. Очнулся в холодном поту, слабость
такая, что пальцем не могу пошевелить. И
вдруг вижу: свет на меня падает с неба таки-
ми изломанными прозрачными лучами. Мяг-
кий, свежий, как снежок пушистый. Лежал я
под ним, так мне было хорошо, как в детстве
под летним теплым дождем. Жмурился от удо-
вольствия и слёзы по морде размазывал. Чуял,
смыло с меня всю нечисть, ершиком внутрен-
ности прочистило с головы до пяток. И спо-
койно мне после этого стало, хорошо, как от-
родясь не бывало...

— Ты прямо как Феникс, — задумчиво ска-
зал Захар, подкидывая хвороста в костер.

— Кто?

— Птица такая. Из древней мифологии.
Похожая на орла. С ярко-красными перьями.
Пятьсот лет живёт. А когда чувствует прибли-
жение смерти, разводит огонь и сжигает себя
на нем. А потом из этого пепла опять возрож-
дается.

— Ого! И откуда такая маза? — удивился Се-
рёга, пожимая плечами.

— Есть легенда, — принялся объяснять За-
хар, — о том, что Феникс кормил голодных жи-
вотных на ковчеге во время потопа. Ной увидел
это доброе дело и пожелал Фениксу жизни веч-
ной. Оно сбылось...

Серёга неожиданно звучно хлопнул ладоня-
ми, точно птица крыльями:

— Вот! Это про меня. Верняк!

Вдруг он внимательно посмотрел на Захара:

— Ну а ты, братан?

— Что — я?

— С тобой такое бывало? Ну, как у Феникса?

Захар поднял еловую ветку, помахал вокруг себя, разгоняя назойливо круживших рядом комаров:

— Нет. Но хотел бы...

— Чё, тоже грехи не пускают?

— Может, и они...

— Так тебе надо в церковь сходить... С эти-ми... как их... попами побазарить. Может, чем и помогут.

Захар смутился, отвёл взгляд в сторону:

— Так я сам поп...

— Да ладно! — удивленно воскликнул Серёга. — Где же твой прикид? Такой... черный, длинный?

— Дома остался...

— А крест?

— Вместе с крестом...

Серёга чмокнул от удивления, провёл рукой по лысой голове:

— Вот это козырь! Так ты, значит, того... Поп... Батюшка... Батя...

— Да уж...

Серёга, не в силах справиться с избытком неожиданно нахлынувших чувств, вскочил, нетерпеливо заходил взад-вперед:

— Ну ты даешь! Теперь тебя буду Батей звать, жик-пык. Давай базарь сначала! Не томи сердце, а то оно сейчас разорвется!

Он присел на корточках рядом, закурил, готовясь слушать.

Захар рассказал о том, что родился в маленьком городке Петушки во Владимирской области. В последнем классе школы от неожиданного сердечного приступа умер отец. Остались они вдвоём с матерью. Она работала медсестрой в больнице. После школы он поступил учиться в медицинское училище, потом работал санитаром в детской больнице. Помогал врачам, ухаживал за больными детьми.

Однажды на приёме у доктора он увидел священника с больным пятилетним сыном на руках. У светлокудрого малыша с ясными большими глазами обнаружили врожденный порок сердца. Ему требовалось постоянное наблюдение врачей и регулярное лечение. Во время процедур священник, отец Михаил, сидел рядом с сыном, держал его за маленькую ручку, тихо читал молитвы. Он ласково называл его Светлячком и, казалось, при этом сам светился изнутри. Иногда глаза Светлячка загорались яркими огоньками, щеки краснели. Он улыбался, радостно прижимался к отцу. А тот целовал его в кудрявую мягкую макушку, брал на руки. Светлячок любил гулять по палатам и коридору больницы. Встречая Захара, мальчик подбегал к нему, ласково обнимал, говорил, что любит бабочек, божьих коровок и кузнечиков. И всех-всех других — маленьких и слабеньких. И дядей — тоже. Захар гладил светлую головку на тонкой шее, называл малыша ангелочком. Они подружились. Захар приносил Светлячку сладости, рассказывал сказки, читал детские книжки.

Через некоторое время Захар случайно забрёл в церковь. Он ничего особого от этого не ожидал. Просто хотел посмотреть, что за люди туда приходят. Ему казалось, что они должны быть какими-то другими. Не как в обычной жизни. Без резкости, грубости, нетерпимости. С другими желаниями. Неожиданно в храме он увидел отца Михаила. Тот совершал богослужение. Священник узнал Захара, кивнул ему как старому знакомому. Ему казалось, что и люди вокруг приняли его — Захара, незнакомого человека, — если не как брата, то как друга. Это произвело на молодого человека сильное впечатление. Что-то неуловимое притягивало его сюда. Он стал приходить в церковь снова и снова. Сначала сидел на скамейке, с интересом рассматривая иконостас, огоньки горящих свечей, прислушиваясь к разговорам прихожан. Потом стал приходить на литургии, поститься, читать молитвы. Отец Михаил подарил ему Евангелие. Потом он позвал Захара на занятия в вос-

кресную школу. Там Захар часто встречался с веселой белолицей, с красивыми ямочками на щеках матушкой Елизаветой — женой отца Михаила. Она преподавала духовную литературу в маленькой комнатке при храме. Группа взрослых из пяти человек изучала Ветхий и Новый Заветы, молитвенное слово, жития святых, таинства и заповеди. Часто матушка приводила с собой Светлячка. Малыш подрос, умел читать и писать, но болезнь не отступала. Во время игр он быстро уставал, его лицо синело, он часто задыхался. В его широко распахнутых лучистых глазах мелькало страдание. Но он всё так же, как и раньше, тянулся к людям.

— Во малец даёт! — не выдержал Серёга и громко сморкнулся. — Бывает же такое! — Он нетерпеливо хрустнул пальцами: — Давай, Батя, не тормози...

Захар вздохнул:

— Поступил я в семинарию. Много читал, изучал богословие, церковный устав, каноническое право, историю. Даже приходил на все лекции отца Ильи. Тот замогильным, гнусавым голосом читал длинные тексты. Для семинаристов это было испытание. Выдержать и не заснуть могли немногие...

Захар помнил, как он терпеливо ждал. Надеялся. Часто представлял себя садовником в каком-то большом саду, где полно не только красивых цветов, но и вредных сорняков. И их нужно было выкорчевывать — так, чтобы они не прорастали больше. И он готовился к этой борьбе с людскими грехами.

После учёбы он вернулся в свой город. В храме отца Михаила принял постриг с новым именем Серафим, начал служить диаконом. И опять ждал, понимая, что для пастырской службы одних знаний мало. Нужна Вера. Вера в Господа. А этого-то и не было. Не родилось то, что должно было укрепить корни, придать силы всему растущему дереву. Так, чтобы людям помогать. А как он мог им протянуть руку, если сам тонул в болоте безве-

рия? Его сердце молчало. Не спасала и любимая присказка отца Михаила: «На всё воля Божья».

Так продолжалось несколько лет. К отцу Серафиму шли измученные болезнями и неустроенным бытом уставшие женщины. Иногда появлялись пахнущие потом и перегаром мужики. Он что-то заученно им говорил. Они, опустив глаза, покорно слушали. Послушно ставили свечки, тихо молились, прилежно целовали иконы. Облегченно вздыхали, кланялись и, шаркая ногами, с чувством выполненного долга молча уходили. Через некоторое время опять возвращались. И всё начиналось сначала: покаяния в воровстве, драках, изменах, абортах, пьянстве.

Отец Серафим ходил по домам, соборовал немощных старушек, прикованных к постели, дышал кислым, приторно тяжелым запахом горя, человеческих испражнений, нужды и одиночества. Приход священника лишь на краткий миг успокаивал больных, зажигал в них скудный огонек надежды, который потом быстро угасал.

Отца Серафима разъедала обида. За несчастных страдающих людей, за Господа, который им не помогал, за своё бессилие. Время для исповеди у него становилось всё короче, а слова — жестче. Иногда, чтобы себя сдержать, не заорать на кого-то из прихожан, не затопать ногами, он отворачивался, скрипел зубами, сжимал кулаки под рясой.

Но и после службы, возвращаясь домой, он не находил покоя. В своей одинокой съёмной комнатке, где помещались лишь жесткая кровать и облезлый стол со сломанным стулом, ему приходилось звонить, писать письма, просить, добывать деньги на ремонт храма, покупку кирпичей, досок, гвоздей, краски. Искать рабочих, которые еще в прошлом году взяли деньги, но так и не отремонтировали протекающую в храме крышу. Договариваться с реставраторами о том, чтобы они наконец-то, как обещали, закончили роспись стен и купола.

И казалось отцу Серафиму, что ничего не меняется в этом мире. И никогда не из-

менится. Бессонными ночами ему хотелось выть от тоски. Он содрогался от мрака вокруг себя и отчаяния, в которое всё больше погружался.

Последним ударом была смерть Светлячка.

— ...Вот хрень! — Серёга резко дёрнулся. Он стукнул себя кулаком по груди. — И почему запахло такое! Как тварь какая — так живет, и ничего с ним не делается. А нормальный малец быстро на том свете оказывается! Скажи, Батя, ты же всё знаешь: где же Бог-то?

Захар задумчиво покачал головой:

— Не знаю...

После смерти Светлячка руки у отца Серафима и вовсе опустились. И слова одного священника на отпевании малыша о том, что Господь забирает к себе невинных, ничего не узнавших о жизни детей, чтобы уберечь их от худшей доли, не допустить большего греха, не трогали душу. Не давали ответа.

— ...Да, Батя, — закашлялся Серёга, — видать, тебя тоже поломало, покорёжило...

Отец Михаил сильно постарел, сгорбился, часто болел. Его пронзительные умные глаза потускнели, словно яркие краски выцвели на солнце, превратились в блеклые пятна. Матушка больше не смеялась, её округлое лицо осунулось, ямочки на щеках исчезли. Она уже не вела уроков в школе. Всё реже и отцу Серафиму хотелось идти на службу, петь акафисты, читать каноны.

Однажды в храме во время вечерней службы он почувствовал, как вдруг спазмы сжали горло, закружилась голова, под ногами качался пол, сердце бешено заколотилось. Перед глазами начали раскачиваться кадила, вспыхнули и разом погасли огоньки свечей, задрожали иконы, а такие знакомые в них образы жутко засмеялись. В душе разразилась настоящая буря. Отцу Серафиму показалось, что поднялся сильный ветер, началась гроза,

посыпался град, с грохотом вокруг рушились стены. Он потерял дар речи, не мог сказать ни слова.

Прихожане с испугом смотрели на своего батюшку, шептались между собой, не переставая креститься. Отец Серафим не выдержал, сошел с амвона, выбежал из храма, не помня себя, промчался по переулку, бросился к реке. Он рухнул на колени, поднял голову, ища на небе лик Спасителя. Но увидел лишь набегающие свинцовые тучи. Пошел дождь. До самой темноты отец Серафим, не чувствуя хлюпающей под ногами грязи, бормоча что-то себе под нос, бродил по заросшему ивняком берегу. Ночью, измученный, стуча зубами, промокший до нитки, он пришел домой, рухнул без сил на скрипучую кровать и забылся в беспомощности.

На следующий день отец Серафим очнулся с тяжелым сердцем и принятым решением. Пришел к отцу Михаилу, покался, сказал, что больше не может обманывать себя и других. Отец Михаил понимающе кивнул, опустил глаза, тихо прочитал «Отче наш». Потом перекрестил его и обнял:

— Уезжай куда-нибудь, охлади душу. Бог милостив. Он поможет...

Дома Захар открыл старую, оставшуюся еще со школы карту, наугад ткнул пальцем. Попал в середину зеленого листка — в большой овал, окрашенный синим цветом. Это был Байкал. Быстро собрал вещи, билет на поезд до Иркутска он взял на вокзале.

Они еще какое-то время сидели в тишине молочно-синей дымки над бескрайней водной гладью озера, беспорядочно разбросанными зелеными сопками, каменными нагорьями, стройными высокими лиственницами, крепкими, причудливо изогнутыми под напором ветра соснами. Разноцветные краски сверкали в прозрачном воздухе, отражались в воде, искрились в синеве неба, переливались в листве деревьев.

Серёга подбросил дров в костер, пламя весело затрещало в ответ:

— Ничего, Батя, побудешь здесь немного, передохнешь, а потом всё образуется.

И он громко запел:

— Славное море — священный Байкал...

Захар тихо подхватил:

— *Славный корабль — омулёвая бочка,
Эй, баргузин, пошевеливай вал,
Молодцу плыть недалёчко.*

Серёга повернулся к Захару:

— Омуля знаю. Ловлю иногда. Вкусный, чертяка его возьми. Баргузин, кажется, ветер здесь такой. Только не скумекаю, а бочка при чём тут?

— А при том, что каторга здесь была при царе. И те, кто смог убежать от стражи, старались переправиться на другой берег Байкала. В дикую тайгу, где никто не смог бы их поймать. Лодок не было, и переплывали они озеро на бочках, в которых омуля солили. А баргузина, восточного ветра, просили им помочь паруса надуть...

— Вон оно, значит, как, — откликнулся Серёга. — Недаром ты, Батя, ботаник! Значит, те кенты тоже рвались на волю. Только

я-то на воле давно, а вот до того часа, как свет мне тот явился, не знал об этом.

— А сейчас знаешь?

— Сейчас-то знаю. На воле мы, — Серёгин голос задрожал, — и даже когда уедем отсюда, всё равно будет так. Потому как она, братан, воля-то эта, внутри нас. И, значит, она там, где мы...

Они еще долго сидели около костра, думая каждый о чем-то своём. И в их блестящих глазах пробуждалось то, что после жестокой боли проснулось, обрело силу и вырвалось наружу. Чтобы уже никогда не вернуться назад.

Сергей Викторович ШПИТОНКОВ

родился в 1964 году в Москве.

*Окончил военный вуз и Высшие литературные курсы
в Литературном институте им. А.М.Горького.*

Пишет прозу.

*Публиковался в журнале «Наш современник»,
альманахах (под псевдонимом Сергей Полуянов).*

Участник проекта «Литературные резиденции»

АСПИР (ноябрь 2022 г.).

В журнале «Север» публикуется впервые.

